

К ЭТИМОЛОГИИ ЛТШ. *DĀRGS*

Происхождение лтш. *dārgs* 'дорогой' еще не выяснено. Отсутствие семантически близких лексем послужило поводом для ошибочного мнения, будто данное латышское слово является заимствованием из славянских языков¹, или, в лучшем случае, для скептического взгляда относительно его происхождения².

В подобных случаях семантической изолированности целесообразно прежде всего задаться вопросом, что собой представляет семема 'дорогой'. В индоевропейских языках распространена модель образования семемы 'дорогой' из семемы 'цена' с прибавлением иногда лексем, обозначающих 'много', 'большой', 'великий', ср., напр., греч. τίμιος 'дорогой': τιμή 'цена, стоимость'; греч. πολυτελής 'дорогостоящий, дорогой': πολύς 'многочисленный, большой, обширный', τέλος 'платеж, подать, налог, пошлина'; др.-ирл. *lōgmar* 'дорогой': *lōg* 'цена', *mār, mōr* 'большой'; др.-инд. *mahā-rgha-* 'дорогой': *mahā-* 'большой, обширный', *argha-* 'цена'; др.-инд. *bahumūlya-* 'дорогой': *bahu-* 'много', *mūlya-* 'цена' и др.³ В славянских языках обнаруживается семантическое развитие 'скупой' → 'дорогой', ср. болг. *скъп*, с.-хорв. *скѹп* 'дорогой, ценный' (ср. также славянское заимствование рум. *scump* 'дорогой') при соответствиях в других славянских языках со значением 'скупой'.

По-видимому, существуют и другие пути образования семемы 'дорогой'. Соответствие лит. *brangùs* 'дорогой' и лтш. *braņgs, breņgs* 'великолепный, пышный, прекрасный, превосходный, полный, дородный, жирный' указывает еще на одну возможность диахронической интерпретации семемы 'дорогой' (то, что это латышское слово может быть заимствованно из древних балтийских диалектов или из литовского языка, в данном случае является второстепенным). Мы можем и не придавать большого значения тому факту, что в речи латышей, живущих на Курской косе (в местностях

¹ A. B r ü c k n e r. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, стр. 170.

² K. M ü h l e n b a c h s. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Red. von. Endzelin. I. Bd. Riga, 1923—1925, стр. 448: «Нельзя с полной определенностью установить, родственно ли оно русскому *дорог*, сербскому *драг* 'дорогой', или же заимствовано из славянского».

³ C. D. B u c k. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, Illinois, 1949, стр. 826—827.

Nida, Preila), *braņgs* выражает 'дорогой', так как это может быть влияние литовского языка, но сосуществование сегментов плана содержания 'дорогой' и 'полный, дородный, жирный' в одном и том же сегменте плана выражения является несомненным. Сопоставление с родственными⁴ лит. *brankùs* 'легко набухающий', *brankti* (без ударения) 'набухать' (при лит. *brangùs* 'дорогой'), лтш. *brēņģe* 'мокрое место; глубокая грязь', *brēņģēt (iēs)*⁵ 'болтать руками в жидкости' (при лтш. *breņģs* '...полный, дородный, жирный'), лит. *brinkùs* 'легко набухающий', *brinkti, briņkti* 'бухнуть. набухать, разбухать', *brīngas* 'кряж, чурбан; колодка' (при лит. *bringti* 'дорожать') показывает, что исходными значениями лтш. *braņgs, breņģs*, по-видимому, были 'полный, дородный, жирный', исторически восходящие в конечном счете к 'сыреть, влажнеть, бухнуть, набухать'.

В подтверждение того, что данное семантическое развитие представляется исторически реальным, можно привести одну параллель. Др.-прусск. *tēmpran* 'дорогой' (вин. п. ед. ч.) обоснованно сопоставляется с лит. *tamprùs* 'упругий', лтш. *taĩpr̃s* 'жесткий (о деревьях и земле)', лит. *teĩpti* 'вытягивать, растягивать, натягивать', лтш. *tiept* (без ударения) 'вытягивать, растягивать; придавать жесткость'⁶. Искомые значения находим в данных родственных (ср. ст.-слав. *tapъ* 'толстый, полный, крепкий, откормленный, жирный' (судя по греч. *παλός*), др.-исл. *þamb̃r* 'толстый, полный, пухлый') и самих балтийских языков (ср. лтш. *tēmt* 'много пить, выпивать, долгими глотками пить, потягивать, чавкать').

При таком положении вещей представляется возможным сопоставить лтш. *dārgs* 'дорогой' с лит. *dargùs, dārgus* 'ненастный, слякотный', *dargà, dārga* 'ненастье, слякоть, непогода', *dārgana, dargana* 'ненастье, слякоть, непогода', *daĩgti* 'намачиваться; портиться (о погоде)', *dergùs, derganas* (без ударения) 'ненастный, слякотный', *dėrgna* 'ненастье, слякоть', *dėrgti, deĩgti* 'гадить, пачкать; чернить, порочить; осквернять' (ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. *dėrgia* 'идет дождь со снегом'), лтш. *dergtiēs* 'претить, быть противным; коробить, корезить', *deĩdzētiēs* 'спорить, браниться, ссориться', лит. *dĩrgti, diĩgti* '(о погоде) портиться, ухудшаться, становиться ненастным; мокнуть, становиться мокрым; (о льне) подвергаться моче, мокнуть'⁷. В данном контексте значений свое объяснение получает и лтш. *dārga* 'жесткая трава, растущая на болотах', которое в отношении интонации и корневого вокализма является тождественным лтш. *dārgs*. В установленной нами трансформации 'сыреть, влажнеть, мокнуть, становиться мокрым, бухнуть, набухать' → 'легко набухающий, пухлый; большой; полный, дородный, жирный' → 'дорогой' в случае с *dārgs* отсутствует сред-

⁴ См. Fraenkel, стр. 53—54.

⁵ Mühlenbach — Endzelin I.

⁶ J. Endzelins. Filologu biedrības raksti. XII, Rīgā, 1932, стр. 171—2. Он же: Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 264.

⁷ Об этих лексемах далее см. E. Fraenkel, стр. 103.

нее звено. Однако это обстоятельство, как кажется, ничуть не влияет на правдоподобность предлагаемой здесь этимологии в силу приведенных выше параллелей из балтийских языков и, кроме того, соответствующих славянских фактов.

Как известно, точное семантическое и морфологическое соответствие лтш. *dārgs* существует в славянских языках, ср. ст.-слав. *dragъ* 'дорогой, ценный'⁸. По-видимому, перед нами образования, возникшие в каждой языковой группе параллельно и независимо, так как имеются некоторые основания полагать, что установленная здесь модель семантического развития действовала и в славянских языках. Дело в том, что слав. *dorgъ, имеющаяся этимология⁹ которого во многих отношениях является неудовлетворительной, обнаруживает историческую связь, с одной стороны, по-видимому, с др.-русск. *падорога* 'распутица, непогода' (ср. контекст: Т(о)го же дни изутра была падорога велика, замятна, снѣг, а в обѣдех было ведро¹⁰), словен. *sqdraga, sqdrag, sqdrga* 'мелкозернистый град; комья замерзшего снега', уже давно сопоставленными¹¹ с балтийскими лексемами, имеющими корень *darg-/derg-/dirg-*. С другой стороны, сюда могут относиться др.-чеш. *dráha* 'толпа, множество, куча; величина, сила, мощь', *drahný* 'большой, крупный, значительный, обширный'. Таким образом, в древнерусских и словенских лексемах представлено начальное звено упомянутой выше семантической трансформации, а в древнечешских лексемах — среднее.

Итак, данную модель образования семемы 'дорогой' мы констатируем во всех трех балтийских языках (лит. *brangùs*, лтш. *dārgs*, др.-прусск. *tempran*), а также в славянских языках. Экстралингвистическая сторона модели 'легко набухающий, пухлый; большой; полный, дородный, жирный' → 'дорогой' остается не вполне ясной, однако некоторые соображения можно высказать и по этому поводу. Обращает на себя внимание тождественная семантическая структура таких высказываний, как лтш. *dārgs gredzens* 'дорогое кольцо' и *dārga nauda* 'большие деньги', лит. *brangì kàrvė* 'дорогостоящая корова' и *brángūs pinigai* 'большие деньги'. Явление это может быть унаследовано от глубокой древности, когда, судя по данным языка, домашние животные, скот функционировали как единица обмена, предшествующая деньгам, ср. др.-русск. *скотъ* 'скотина, домашнее животное (преимущественно из рогатого скота)': 'деньги'; др.-сакс. *scat* 'деньги; имущество': 'рогатый скот'; др.-в.-нем. *fihu* 'рогатый скот': др.-сакс. *fehu*, др.-исл. *fē*, гот. *faihu* 'имущество, деньги'; лат. *pecū* 'скот': *pecūnia* 'имущество; деньги'. Хорошо откормленное, дородное, жирное домашнее животное, по-видимому, и являлось дорогим, ср. лтш. *brangs vepris* 'жирный боров' и лит. *brangì kàrvė* 'дорогостоящая корова'.

⁸ Соответствия в других славянских языках см. Вегнекер, стр. 213.

⁹ Фасмер I, стр. 531.

¹⁰ Срезневский II, стб. 859.

¹¹ Вегнекер, стр. 212—3.